

Козинец Сергей Борисович,
доктор филологических наук, доцент,
Лицей-интернат естественных наук, Саратов
Kozinets Sergey Borisovich,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Boarding School of Natural Sciences, Saratov

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МЕТАФОРА
КАК РЕЗУЛЬТАТ КАЛЬКИРОВАНИЯ
A WORD-FORMATION METAPHOR
AS A RESULT CALCULATING**

Аннотация: В статье рассматривается такой способ возникновения словообразовательной метафоры, как калькирование. Анализируются словообразовательные и лексические кальки из разных языков, которые стали осознаваться в русском языке как производные с метафорической мотивацией.

Abstract: The article discusses such a way of forming a word-forming metaphor as calculus. The article analyzes word-formation and lexical tracing papers from different languages, which began to be recognized in Russian as derivatives with metaphorical motivation.

Ключевые слова: словообразовательная метафора, лексическое значение производных слов, историческое словообразование, калькирование

Keywords: word-formation metaphor, lexical meaning of derived words, historical word formation, calculus

В русском языке существует (не всеми лингвистами признаваемая) особая группа производных слов, чье переносное значение формируется в результате изменения морфологической структуры слова, т.е. в словообразовательном акте – словообразовательных метафор. Они результат образного переосмысления в производном слове прямого значения слова производящего [5]. Подобное семантическое соотношение между словообразовательной парой устанавливается на уровне синхронном, однако анализ материала в диахронии установил, что словообразовательная метафора – явление далеко не однородное по своему происхождению; она могла возникать: 1) собственно в деривационном акте; 2) ввиду исчезновения исходного (прямого) значения производного [6] и, в конце концов, 3) словообразовательная метафора может быть результатом словообразовательного или семантического калькирования.

Итак, небольшая группа производных слов с метафорической мотивацией представляет собой кальки – словообразовательные или семантические, то есть слова, полученные поморфемным переводом иностранного слова (*внутримышечный* < лат. *intramuscularis*) или приобретшие новое значение под влиянием иноязычного слова (*плоский* ‘пошлый, неостроумный’ < фр. *plats*).

Будучи поморфемно переведёнными, словообразовательные кальки органично вписываются в морфемно-словообразовательную систему языка и начинают мыслиться как слова исконно русские. Н.К. Низаметдинова, справедливо противопоставляя словообразование и этимологию, слишком прямолинейно, на наш взгляд, замечает: «для словообразования неважно, что, к примеру, слово *доброе плодие* является калькой с греческого *εὖ καρπτα*, а важно то, что оно формально и семантически мотивируется словосочетанием *добрый (-е) плод (-ы)* и относится к словообразовательному типу «прилагательное + существительное + -ий» [7, с. 68]. Здесь необходимо уточнить: для какого словообразования? Если иметь в виду чисто

синхронное словообразование, изучающее типы и модели производных слов, то действительно, для него неважно, каким путем возникло слово. Однако историческое словообразование не останется к этому факту равнодушным, поскольку для него небезразличным является то, каким образом складывался тот или иной словообразовательный тип, та или иная структурно-смысловая модель и почему многие слова этой модели ушли в пассивный запас.

Для некоторых фактов синхронного словообразования этимологическая справка также будет бесполезной, поскольку она позволит объяснить «странные» для русского языка сочетания компонентов в сложных словах типа *небоскреб*.

В настоящей статье мы рассматриваем только те производные, которые в результате калькирования сразу приобрели образное значение. Прилагательное *молниеносный*, например, также являлось калькой с греческого *αστραπήφόρος*, однако имело изначально прямое значение – ‘содержащий молнию’.

Большая часть калек – результат перевода с греческого языка церковных книг. Л.В. Вялкина отмечает, что «при переводе на русский язык памятников древнегреческого языка большую роль играло калькирование. Кальками передавались многие сложные слова в памятниках XI–XIV вв.» [3, с. 157]. По наблюдению Н.К. Низаметдиновой, «сличение греческого оригинала и его древнерусского перевода выявило, что большое количество русских композитов возникало в результате калькирования греческих сложных слов» [7, с. 76].

Действительно, большинство греческих калек, появившихся в период XI–XVII вв., представляют собой сложные слова (состав и семантика греческих корней выверялись по следующим словарям: [1; 4; 9]): *жестокосердие* ‘безжалостность’ < *σκληροκάρδιος* (*σκληρός* ‘жестокий’ и *κάρδια* ‘сердце’), *сердцевед* ‘знаток человеческого сердца, душевных движений человека’ < *καρδιγνώστης* (*καρδία* ‘сердце’ и *γνώστης* ‘знаток’), *сладкогласный* ‘обладающий приятным, нежным голосом’ < *ηδόφωνος* (*ηδύς* ‘сладкий’ и *φωνή* ‘голос’), *сластолюбие* ‘стремление к чувственным наслаждениям’ < *φιλήδονος* (*φιλέω* ‘люблю’ и *ηδονή* ‘наслаждение, удовольствие’), *кровопийца* < *αίμοπότης* (*αἷμα* ‘кровь’ и *ποτής* ‘много пьющий’), *злосычие* < *κακογλωττία* (*κακός* ‘злой’ и *γλώσσα* ‘язык, речь, слово’); *косноязычный* ‘страдающий косноязычием’ < *βραδύγλωσσος* (*βραδύς* ‘медлительный, плохо соображающий’ и *γλώσσα* ‘язык, речь, слово’), *раболепство* ‘рабский образ мыслей’ < *δουλοπρέπεια* (*δούλος* ‘рабский’ и *πρέπω* ‘(я) приличен’), *малодушие* ‘отсутствие стойкости, мужества’ < *ολιγοψυχία* (*ολίγος* ‘немногий’ и *ψυχή* ‘душа’), *златоустый* ‘обладающий даром красноречия’ < *χρυσόστομος* (*χρυσός* ‘золото’ и *στόμα* ‘рот’, ‘уста’), *бессердечный* ‘жестокий, бездушный’ < *ακαρδίας* (*α* ‘не, без’ и *καρδία* ‘сердце’).

Прилагательное *безличный* ‘безобразный, некрасивый’ < *απρόσωπος* (*α* ‘не, без’ и *πρόσωπον* ‘лицо’), развило другие значения – ‘не затрагивающий определенное лицо, конкретную личность’ и ‘характеризующийся отсутствием отнесенности к грамматическому субъекту действия’, а исходное было утрачено.

Кальки с греческого впервые употреблялись в текстах церковных книг, что, разумеется, повлияло на их стилистическую окраску – подавляющее большинство из них принадлежат книжной лексике. Кроме того, нельзя не отметить также семантическую цельность словообразовательных калек-грецизмов: они называют лицо по характерным для него признакам или качества характера человека.

Небольшая группа словообразовательных метафор является представляет собой более поздние кальки с других европейских языков – германских и романских.

В первой трети XVIII века в русском языке появляется большое количество иноязычных заимствований, в том числе германизмов; вместе с лексическими заимствованиями образуются и словообразовательные кальки: *неприкрашенный* < *ungefärbt*

‘некрашенный, неприкрашенный’ (*un* ‘без, не’ и *färben* ‘красить’); **даровитый** ‘обладающий способностями к чему-либо, талантливый’ < *begabt* ‘одаренный’; **дальновидный** ‘предусмотрительный, предвидящий возможные последствия’ < *weitsehend* (*Weite* ‘даль’ и *sehen* ‘видеть, смотреть’); **глубокомыслие** < *tiefe Einsicht* (*tief* ‘глубокий’ и *Einsicht* ‘благоразумие’); **громоотвод** ‘заземленный вертикальный металлический стержень, служащий для предохранения сооружений от попадания молнии’ < *Blitzableiter* (*Blitz* ‘молния’ и *ableiten* ‘отводить’). В последнем случае мы имеем дело с дезориентирующей внутренней формой, поскольку раньше в народном сознании молния отождествлялась с громом. В словаре Ожегова-Шведовой это слово дано как устаревший синоним к существительному *молниеотвод*, где внутренняя форма «сориентирована» уже правильно [8, с. 146].

Во второй половине XVIII века огромное влияние на формирование русского литературного языка, в частности, его лексико-семантической системы, оказывал французский язык. Этот процесс отразился и в словообразовательных метафорах, которые пополнились словообразовательными кальками: **змеевик** ‘изогнутая спиралью трубка для охлаждения пара’ < *serpentin* (*serpent* ‘змея’); **чистокровный** ‘настоящий, подлинный’ < *pur sang*, **буквальный** ‘дословный’ < *literal* (< лат. *littera* ‘буква’).

В этот же период формирующийся литературный язык обогатился множеством семантических калек соответствующих французских слов. «При переводе их на русский язык происходило семантическое приспособление русских слов к соответствующим французским. Это вело к слиянию круга значений русского слова с сферой значений французского. Смысловая структура слова резко менялась. Развивались отвлеченные, переносные значения, не вытекавшие непосредственно из семантической системы русского языка» [2, с. 178]: **упиться** ‘насладиться чем-либо’ < *s'enivrer* (этот факт объясняет некоторую необычность объединения столь разных ЛСВ – ‘насладиться чем-либо’ и ‘напиться до полного насыщения’, противопоставленных и по стилистической окраске, в одном слове. На наш взгляд, их нужно лексикографировать как омонимы); соответственно: **упоение** ‘состояние восторга, восхищения, экстаза’ < *enivrement*; **трогательный** ‘вызывающий умиление’ < *touchant*; **утонченный** ‘отвечающий требованиям самого тонкого вкуса’ < *raffiné*; **наклонность** ‘расположение, влечение, склонность к чему-либо’ < *inclination*.

В XX веке появилась калька из английского языка: **небоскреб** ‘высотное здание’ < *skyscraper* (*sky* ‘небо’ и *scrape* ‘скрести’).

Калькирование, как и другие способы появления словообразовательной метафоры, приводят к общему результату: внутренняя форма производного слова метафорически переосмысливается, а прямое употребление слова становится окказиональным.

Анализ словообразовательной метафоры в диахронии во многом объясняет причины словообразовательной асистемности производных с метафорической мотивацией: словообразовательная метафора формировалась в основном под влиянием лексико-семантической (а не словообразовательной) системы, семантические трансформации в которой, в свою очередь, нередко являлись результатом экстралингвистических процессов.

Список литературы:

1. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М., 1982. 528 с.
3. Вялкина Л.В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI-XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. – М., 1966. С. 154-188.
4. Греческо-русский словарь, изданный иждивением департамента народного просвещения. Ч.1-2. СПб., 1848.

5. Козинец С.Б. Словообразовательная метафора: пересечение лексической и словообразовательной систем // Филологические науки. 2007. № 2. С. 61-70.
6. Козинец С.Б. Утрата первичного значения производного слова как фактор развития словообразовательных метафор // Известия Саратовского университета. Серия Филология. Журналистика, 2009. Вып. 1. Т. 9. С. 18-27.
7. Низаметдинова Н.К. Принципы классификации сложных слов на историческом материале // Филологические науки. 1992. № 1. С. 67-77.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1-3. М., 1958.

